
ТРИ БУКЕТА

МАЙЯ ГУТИНА

(Протоально-лирическое повествование. Все события, имена и место действия вымышлены, но это не мешает восторженному отношению автора к происходящему. Возможные совпадения случайны, автор за них ответственности не несёт).

«Какая-то заповедная глупость
сидела в нём, наивность, которую ни
поражения, ни цинизм так и не смогли
уничтожить...»

Ромэн Гари,
французский писатель.

Недавно приезжала я в Энск . Энск – городок, затерявшийся в холмах Средне-Русской возвышенности чернозёмных земель России. Конечно же – сразу к своему дому! На скамейке возле дома наверняка кто-то сидит, поговорю, расспрошу. Почему-то была уверена, что будут там знакомые соседки. Законсервировалась память, отстала от жизни. Скамейка пустовала. Двери в дом, которые всегда были настежь, плотно закрыты - серые, тяжёлые: тонкий стальной лист, шершавый. В Ленинграде (то есть, в Санкт-Петербурге) тоже такие двери. Угнетающее впечатление. На дверях - интерком! Запираемся, защищаемся, чтоб никто не вошёл, не украл, не убил... И ведь входят! Однажды, и к нам... Правда, это были уже 90-е годы. В то время «учить» нас начали (и воры, и государство). В открытую дверь подъезда, вошли эти любители лёгкой наживы, среди ночи, поднялись на четвёртый этаж и пытались открыть квартиру номер четырнадцать: в ней, по их данным, располагалось малое предприятие радиоэлектроники. Если всерьёз, то название так называемого малого предприятия не соответствовало содержанию. Но это грустная история и – не сейчас о ней, не сейчас. Хорошо, что я вечером замок поставила на предохранитель (обычно и не ставила).

Я позвонила по интеркому Анне Ивановне, в квартиру шестнадцать на нашем, этаже, но никто не ответил. Во дворе нашем произошли изменения: он стал как будто меньше, деревья сильно подросли, «вечная лужа» заасфальтирована, на месте гаражей – детская площадка. Я вошла в неё через резные воротца и села на качели. Незнакомый юноша, почти мальчик, подошёл к двери подъезда, оглянувшись, задержал взгляд на мне: «Какая-то бабушка... Смотрит, будто хочет что-то спросить... Нет, опустила голову, чертит прутиком на песке». – «Кто этот мальчик? Когда я уезжала, ему было не более трёх-четырёх лет. Спросить? Нет, не буду». Юноша вошёл в дом. Час ожидания: никто теперь не входил, не выходил из подъезда. Ни один ребёнок не пришёл играть на площадку. Дом стоял тихо, без движения.

Этот дом был моим домом ни много, ни мало – тридцать пять лет, здесь родились и выросли Катя и Ваня. А сейчас на четвёртом этаже – наша «не наша» квартира. Позвонить туда? Может быть, новые хозяева разрешат войти, посмотреть? А зачем? Я и так помню каждый уголок, каждый сантиметр. И скромное убранство, и рояль, и широкий подоконник, цветы на нём и... Колокольный звон из Смоленского собора ... Нет, не пойду. Ведь сейчас там – чужое жилище, незнакомые запахи, незнакомая мебель. Ведь я хочу увидеть на этом четвёртом этаже свою квартиру с окнами на проспект Ленина, поросший каштанами. Неподалёку – огромное дерево черёмухи, и аромат её цветов прилетает в наши открытые окна. А прямо под окном – высокий раскидистый тополь! Такой густой, что казалось, окна спальни выходят в лес, до листьев можно рукой дотронуться. Мы видели, как голуби свили гнездо, и как голубка терпеливо сидела в гнезде, а мокрые хлопья снега вуалью укрывали птицу и сочную листву. «Вот ведь, в любую погоду...» - сочувственно говорит мама. Стая воробьёв под нашим окном устраивала галдёж. Однажды в квартиру залетел любопытный воронёнок и даже переночевал на краю кастрюли. Засунул голову под крыло и уснул. Утром вороны волновались, летали, задевая крыльями стёкла, каркали: ну, просто готовый рассказ для Пришвина. А я, взглянув на часы, в том, прошлом времени, спускаюсь с лестницы, чтоб позвать сына домой со школьного катка. И вдруг вижу, сидит мой рыцарь на первом этаже на нижней ступеньке лестницы, ноги в коньках-снегурках откинул: «Мама, унеси меня домой. Я так устал».

Ох, родная сторонка, будто ты дома и никуда не уезжал! Как там у Окуджавы: «Ваше благородие, госпожа Чужбина. Жарко обнимала ты, да только не любила. В ласковые сети постой, не лови...»

...Сквозь прикрытые ресницы вижу я лавочку возле нашего распахнутого подъезда, бабушки сидят рядочком, как ласточки под стрехой. Мимо них идёт домой Миша, с букетом, здоровается с соседками. Они вразнобой кивают ему и дружно поворачивают головы, провожая Мишу взглядом. Через минутку из подъезда выпархивает моя тринадцатилетняя дочка.

- Катенька, у мамы день рождения?

- Нет!

- А почему папа понёс домой розы?

- Просто так! Он дарит маме цветы - просто так!

- Надо же, какой муж!

* * *

В день моего рождения, в маленькую прихожую нашей квартиры приходит большое счастье. Я подскакиваю навстречу: от моего счастья пахнет морозом. Не сняв пальто и шапки, Миша подаёт мне бережно упакованные в несколько слоёв газеты живые цветы. Весна у нас начинается 5 февраля. Нарциссы! Я ставлю букет в вазу, и наш бедлам на письменном столе приобретает праздничный вид.

Цветы! В праздники и в будни. Мимоза, ромашки, хризантемы, сирень – много сирени, даже орхидеи – право! Я счастливая! Но среди многих букетов было три особенных. Именно они, я считаю, определили некие вехи моего жизненного пути, становления характера. Друзья, дарившие цветы, сами того не подозревая, угадали – и это закономерно – переломные моменты моей жизни, добавили мне уверенности в себе. Именно эти три букета как символ награды стали своеобразной оценкой, высшим баллом на незримых экзаменах моей Судьбы.

КАЛЕНДАРНЫЙ ГОД

Теперь я лохматая. Свои длинные волосы укоротила без парикмахера, портновскими ножницами. Пришёл домой Миша и ахнул: «Ну, так я и знал! Где твоя коса?» Косы как не бывало! Буду завивать кудри. Голова моя в бигудях выглядела ужасно, и я – тоже, но смотрела исподлобья, не разрешая проникнуть на свою территорию. Я и не думала раскаиваться. «На заре ты её не буди, в голове у неё бигуди...» – пропел Миша. Он был огорчён, но в то же время как будто и смирился сразу: не всё ли равно, какая причёска у любимой женщины! И всё же вспомнил с сожалением, как красиво укрывали меня длинные волосы, струились до пояса, какая-то тайна пряталась в этой юной особе... И – ни капли печали (с чего бы ей быть – ведь это всего-навсего волосы), казалось, слова тут же тонули, или улетали, исчезали из его сознания и жизни. Что? Коса? «Ах, ты, коса, – девичья краса...» Это уже, извините, не обо мне, это – просто так! Кажется, мне всё-таки хотелось, чтобы он огорчился.

Вскоре после ликвидации красавицы-косы – случайно, конечно, – я «загребела» в больницу, и называлась она – противотуберкулёзный Харьковский научно-исследовательский институт. Разлука принесла новый опыт: в Харьков каждый день приходили письма, от Него, от Миши. Получилось само и так повелось: мы с Мишей, не сговариваясь, стали писать друг другу ежедневно. Никогда не получала я писем от мужчины, и сама никогда не писала мужчине. А сейчас писала и легко дышала, раскрыла руки, как крылья, и бросилась в объятия. Дамбы моей скрытности рухнули. «Ты счастливая!» – тормозят меня девчонки, мои новые подруги. Получать письма очень приятно. Вот медсестра входит в палату, и (снова, и снова, и снова!) подаёт тебе конверт, сердце отплясывает чечётку. Надрываешь конверт и извлекаешь письмо – бесценный дар! Это Он писал, откидывал волосы быстрым движением руки, думал обо мне...

Нам, обитателям НИИ, говоря языком высокого стиля, предстоит хирургическое вмешательство. Терапевтические методы лечения упорно не помогают. Такие вот дела. Я крепко затянула волосы на макушке. Да, Лёвина, не падает длинный хвост на спину. Нет хвоста, получилась «пальма», но это неважно, я читаю письмо от мужа. Скажем прямо, не привычная к такому письменному вниманию, я была счастлива уже от одного вида конверта. Содержание письма, как бы само собой подразумевалось в стиле «люблю, целую», а вот конверты кристаллизовались, как иней в

морозный день на тонкой веточке, и веточка становилась сказочно красивой (по Стендалю. Да, об этом я у него читала). И эти искрящиеся в лучах моей любви кристаллы, и бьющееся сердце, и наивное сознание себя любимой мешали мне порой понять и само письмо...

И вот – держу в руках очередное чудо. Вскрываю. Читаю: «Ехал от тебя, обратил внимание на команду волейболистов, красивых, высоких парней... Стало грустно оттого, что я только мечтаю быть таким, как хочешь тебе, - почерк у него бисерный и «куролапый» (машинистка в редакции называла рукописные тексты ответственного секретаря «Мишечкины карлочки»), но я самым расчудесным образом свободно понимала его почерк с самого первого письма, как будто где-то когда-то изучала эту китайскую грамоту. – Оттого ещё, что выше себя не прыгнешь, жизнь не переделаешь. Где уж мне равняться с этими сильными, крепкими парнями, от одного взгляда на которых у тебя замирает сердце. Или я вру всё это и вовсе они тебе не нужны... Да может ли быть такое?»

Я долго смотрю на письмо, перечитываю. Что за откровение? Это что-то новое. Что за парни? «Замирает сердце»? «Или я вру всё это?» О чём он врёт? У кого замирает сердце? В голове каша. Что не так? Кто из нас и что – делает не так?

Ещё и ещё раз перечитываю.

« Ты не думай, что я прошу тебя писать мне письма, - совсем уже непонятная фраза. - Может оно и лучше, что ты молчишь».

Письмо обескураживает. Не верю самой себе, читаю в тихой истерике: я пишу каждый день, а у него - «молчишь». Ощущаю в его словах какое-то неясное обвинение: что-то такое, что дозволено только женщине и не дозволено мужчине... Я не чувствую себя виноватой. Какие парни? Пугающая грань взаимоотношений между мужчиной и женщиной возникла горькой полосой незнакомого предчувствия, осветилась багровым отсветом. Сердце поднялось к самому горлу и гулко упало вниз. Молодость не могла знать, какова ответственность двух людей друг перед другом при вступлении в брак.

Я легла в кровать, подогнув колени, и пригнув к ним голову. Июньский день добросовестно улыбался. В открытое окно вливался тёплый воздух. Из ординаторской слышался тихий смех и позвякивание медицинских инструментов. А я, оборотившись в прокурора, выстраивала обличительную речь.

«У тебя – что, других слов нет? (я только мечтаю быть таким...). У тебя – ревность? (от одного взгляда на которых...). Наконец, паника! (Ты не думай, что я прошу тебя писать мне...). А это что?! «Вот бы тебе таких!» Ух, как я зла! Не сватай меня!! Эти парни тебе не соперники! Откуда у тебя эти мысли? Откуда ты взял, что от одного взгляда на кого-то там у меня замирает сердце? Слова несправедливы. Незнакомо и сильно ранят. Что происходит?» - прокурор всхлипывает.

У меня уже «стаж» замужней женщины: год совместной жизни. Я назвала бы его – «Календарный год совместной жизни». Почему «календарный»? Потому что вместе мы провели ничтожное количество времени. Мы, пожалуй, если взглянуть правде в глаза, сейчас друг для друга некие схемы. Мы рисуем по этим схемам принцессу и принца каждый на свой лад. Правильнее будет обобщить этот год в других измерениях, например, в измерениях душевного смятения, выпавших каждому на единицу времени, отчуждения, неслышных стенаний, сжатых губ,

вечеров, проведённых в молчании. Пронзительных стихов Миши. В его настроении всегда присутствует некая доля пронзительности, и сейчас, и позже: быстрый, умный, глубоко чувствующий, до мозга костей ответственный перед самим собой и перед людьми, он болезненно оценивает негативные ситуации. Порою от его безмолвного «взрыва» - от пика до самого донышка пропасти – трудно дышать. Из каких глубин появилось это письмо? Здесь болит каждая строчка! От жалости к себе. От недоверия ко мне. Неосознанное унижение! Кого? Себя? Меня? Вряд ли он думал плохо обо мне, нет! Это обобщённый образ, макет. Он недооценивает себя. Низвергает! Позже я узнала такие словечки, как «комплекс неполноценности», но в то время – время первой любви, я не подозревала ни о каких комплексах, но от предназначенной мне роли вертихвостки, от горького, незнакомого этого послания хотелось громко и безутешно рыдать.

В самом деле, что знает Михаил Лёвин об этой девушке, которая прислала однажды в редакцию свои рассказы? Стоило бы, конечно, слово «рассказы» взять в кавычки. Но я не буду. Ведь это они определили мою судьбу. Знал бы он, как поднималась она по неосвещённой, давно немойтой лестнице, пыльной, широкой... Но вела она в святая святых – в редакцию! Пахнущая мышами, убитая сумраком, она привела девушку к высокой внушительной двери, обитой дерматином. Девушка похожа была на испуганного зверька, осторожно ступающего по незнакомой территории. Девушка вежливая: надо постучаться. Но как? Дверь мягкая, красиво прошитая стяжками с золотистыми шляпками гвоздей. Высокая, широкая, внушительная дверь. Наша мышка робко пошлёпала об обшивку ладошкой. Усмехнулась: кто может услышать такой тихий звук? Костяшками пальцев постучала о косяк двери. Никто не откликнулся. Эта оч-чень вежливая девушка, наконец, потянула дверь на себя, и та легко открылась. Каково же было удивление нашей дикарки, что «такая дверь!» вела вовсе не в кабинет редактора, а в некое подобие коридора со многими кабинетами. Я усмехнулась и мигом повзрослела. Кажется, я рассказывала позже этот анекдот Мише, но он, по-моему, не слышал, улыбнулся, а сам летел в свою пронзительную пропасть. Сейчас кабинеты были пусты – обед. К счастью, один человек нашёлся. Он ел булочку с кефиром за рабочим столом. Могла ли я предположить, что это мой будущий муж! Выяснилось, что рассказы начинающего писателя в редакции потеряли. Это повергло ответственного секретаря в смущение, он готов был немедленно исправить такую грубую, недопустимую оплошность. Есть ли дома копии? Да, есть, но они... - смутился писатель, - черновики! «Это неважно!» - воскликнул человек, который отложил в сторону булочку с кефиром, и решительно предложил сегодня же вечером принести рассказы к нему домой.

Вечером я была у него. Пока читал, сидела на краешке стула, сжав колени и сведя плечи к подбородку. Что ж, пишет грамотно, в тексте ни одной ошибки (это очень и очень удивило профессионального журналиста, он даже внимательно и долго смотрел на автора, как бы пытался отыскать в заурядном лице источник грамотности). Она хочет стать журналистом. (По её виду не скажешь). Она поступала в Ленинградский университет. (В самом деле? Верится с трудом). Она знает выражение «игра в четыре руки». (Невероятно!). Она твёрдо намерена учиться, а потом работать. (Не считает, что жену должен обеспечивать муж? Может ли это быть правдой?). В тот вечер Миша угостил меня клубникой со сметаной. С тех пор клубника со сметаной для нас, а теперь, когда его нет на Земле, только для меня – стала знаковым блюдом. И мы, приготовив ароматное угощение для самих себя, и, черпая ложками из одной миски, непременно вспоминали тот первый вечер и наши первые впечатления друг о друге.

Заботилась я совсем о другом, казалось, для меня несвойственном: красиво пройти к трибуне. На высоких каблуках. Я не умела ходить на высоких каблуках! Я боялась, что страдальчески проползу с негнувшимися коленками. Туфли были шикарные, каблук девять сантиметров. Пройти нужно именно в этих туфлях и так, будто родилась в них. Или я – не женщина? Нужно идти сначала по проходу с ковровой дорожкой – подняться на сцену легко и естественно: не споткнуться, ибо кажется, что уже пришёл, но ты ещё не пришёл... Представь, читатель, я тренировалась в ходьбе. Я проделывала путь в пустом зале от своего места до трибуны, под придиричивым взглядом импровизированного жюри. Наконец, получала оценку: «Ты идёшь замечательно!» И я шла на высоких каблуках, «будто родилась в них», не только в роскошном зале Дома Союзов, с его зеркалами и люстрами, но и по забытому Богом учреждению – областному музыкальному Обществу, никому не нужному и всеми пинаемому.

Пассажирский поезд «Москва-Энск» углублялся в ночь. Вагон затихал до утра. Цветы уже совсем ожили. Какой чудесный, удивительный подарок! Мою восторженность можно сегодня извинить: не каждый день тебе дарят букеты «за полторы минуты до отхода поезда». Переживая каждое мгновение сегодняшнего вечера, я смотрела на цветы, которые отражались за окном в тёплом обрамлении ночи. И образ был такой светлый!

● * *

Кто-то чиркнул спичкой, выхватил из темноты дорогу, множество нестройно шагающих по жирному чернозёму ног. Шли молча. Только что отзвучали песни в ярко освещённом сельском клубе. Там – улыбающиеся хористы весело взмахивали платочками в такт музыке. Баянист Толя Тюлюков наклонялся щекой к баяну, растягивал меха и жмурился от удовольствия. Тишина после шумной сцены казалась глубокой. Чавкал чернозём. Я едва удерживала равновесие. Хуже всего приходилось Толе: он нёс свой баян. Хотел было оставить его в автобусе, но ему не дали: мы шли в столовую за обещанным угощением. А какое же угощение без песен? А какая песня без баяна? Нести баян Толя никому не доверял. Хор – это около тридцати человек – словно партизанский отряд продвигался по раскисшей дороге, и конца-края этой дороге не было. Тусклый маячок света мерцал впереди, где-то далеко, но вдруг, как это часто бывает во многих и многих рассказах, оказался совсем рядом: мы пришли. Открылась выкрашенная зелёной масляной краской дверь (подозреваю, что этой краски в нашей стране было перепроизводство), и хористы, заметно оживившись, втянулись в помещение. В столовой было тепло, вкусно пахло духмяным мясом. Столы без скатертей, но с голубоватым пластиковым покрытием, на алюминиевых ножках, стояли просторно. Возле столов – стулья с сиденьем из деревоплиты и эдакой отложной алюминиевой спинкой, будто здесь собирались с удобствами смотреть кино. На каждом столе горкой лежал чёрный хлеб, нарезанный аппетитными ломтями, солёные огурцы в большой миске, похоже, домашнего посола, и стояла бутылка водки. Натоптав чернозёмом на полу, хористы снимали пальто, разматывали шарфы, рассаживались. В столовой стоял весёлый гул из улыбок, движений, коротких слов. Будто пчёлы гудели в цветущей яблоне. Вскоре две приветливые женщины поставили перед каждым едоком по увесистой порции тушёного мяса с картошкой.

Я нечасто ездила на концерты вместе с хором, но иногда считала себя обязанной. Всё-таки – это коллектив музыкального Общества. Ну, в ГДР, в Севастополь я, конечно, ездила, но на простые концерты не всегда. Ставку для коллектива я выпросила у Москвы под авторитет красивой идеи и под авторитет будущего руководителя хора Семёна Кузьмича Правдина, цепкого хормейстера, ветерана войны, кавалера многих орденов и медалей. Идея же состояла в том, что хор будет

выступать со специально подготовленной программой в день Победы на мемориале в честь сражений под Энском и хранить память о Великой Войне. Всё было здорово: ставку нам дали. Люди охотно пришли петь – только глянешь на Семёна Кузьмича в парадном кителе, весь в орденах, и пойдёшь за ним хоть на край света. Но вскоре мой ветеран начал благополучно хор разваливать. Об этом – позже.

Сейчас нас сопровождал секретарь парторганизации колхоза, председатель колхоза, директор школы, директор сельского Дома культуры, кто-то ещё. С нашей стороны была Марина, Ксюша, руководитель хора Даша Иванова, баянист Толя, я. Толю нарасхват пытались усадить каждый за своим столом. «Руководящий состав» стоял в сторонке и занимать места за столами не спешил. Меня это удивило, и я уже намеревалась сесть за свободный столик, но медлила, так как столик этот был совсем пустым: без хлеба, без огурцов и без стульев... И мясо сюда нести, похоже, не собирались. Наивный детский сад! Меня можно было показывать в качестве наглядного пособия иностранным туристам, выступая перед ними на тему о средствах советской массовой информации, о том, как сильна линия партии, как удерживать лапшу на ушах... Заметив моё замешательство, подошла Марина, взяла за руку и увлекла за собой. В столовой между тем разливался шумок под звон гранёных стаканов.

Группа начальников тем временем не спеша прошествовала за небольшую перегородку с облупившейся всё той же зелёной краской. Каково же было моё удивление, когда я оказалась в сияющей зеркалами и люстрами комнате, с хрустальным шкафом во всю стену. В шкафу бутылки и бутылочки разной формы и размеров. Длинный стол посреди комнаты тоже отсвечивал хрусталём: фужеры, стаканы, графины... Стол ломился от закусок. И от вин. Мужчины вдруг стали галантными, приглашали женщин пройти впереди себя.

Перед моими глазами впервые предстало «нечто», о чём я в качестве среднестатистического гражданина своей страны, конечно, догадывалась, не вникая в подробности, но видела впервые. О том, что я свидетель постоянно действующего исторического процесса, который тысячи лет развивается вместе с развитием общества, который изучен вдоль и поперёк историками, философами, учёными, политологами, я не задумывалась. Конечно, мне не приходило в голову, сопоставить простую свою жизнь с высочайшими учебниками. Экзамены сданы, диплом в кармане. Вопросы есть? Нет! Вот и правильно.

Думаешь, читатель, что, попав в особую компанию, в душе моей восстало благородное чувство негодования? Думаешь, что увидев эту «комнату», я возмутилась? Всех вывела на чистую воду? Ничуть не бывало! Своим безусловным достоинством считаю, что вовремя захлопнула рот. Конечно, люди не были слепыми и глупыми! Информация подобного плана проникала в среду обывателей, раздавался ропот, осуждение, например, одного из самых заметных принципов управления: «Не пущать!» Но мы жили в своё время, соглашаясь с такими понятиями, как живём здесь и сейчас, что плетью обуха не перешибёшь и моя хата с краю, что пусть лошадь думает, у неё голова большая. Единомыслие сформировалось в ёмкое словечко: «Одобрям-с!» В стране царили спокойствие и устойчивость: «Впереди ещё столько неполученных зарплат!» Уже столько лет не было войны – и это очень высоко ценилось людьми, которые после Великой Отечественной не досчитались родных почти в каждой семье.

Не знаю, к добру ли, к худу ли, познакомилась я с писателем Игорем Ефимовым. Вспомним, кстати, что случайностей не бывает. Беру в помощники Игоря Марковича, особенно два его тезиса:

1. «На исторической сцене возник распорядитель-служаший, чиновник». 2. «Распорядитель должен значительно превосходить средний уровень, настолько высоко, чтоб ему было по силам не ослепнуть от блеска золотого тельца».

Пока я тут рассуждаю, «средний уровень» от лирических песен переходит ко всё более звонким и быстрым, и Даша тревожно косит умным глазом в перегородку, когда оттуда доносится залп: «Соловей, соловей, пташечка!!!» И этому «среднему уровню» дела нет до того, что ест и пьёт их Даша, и где она сама. Им хорошо. Концерт прошёл под горячие аплодисменты. И никто не обратил внимания на то, что в столовую шли по раскисшему чернозёму и в потёмках, зато сейчас вкусно накормлены, выпили русской водки. Дома у них всё в порядке, завтра вообще выходной. Они прекрасно проводят время в кругу своих друзей – Людмила и Юра рук не разнимают, свадьбе быть! До чего же хороша эта чернобровая украинская девушка! А песня сама рвётся из души.

«Класс чиновников-распорядителей» в это время тайно от них разливает по бокалам шампанское. Может быть, и не тайно, но не вместе с ними, не афишируя, считая нормальным то, что на их столе другие вина и другая пища, а после трапезы, считает нормальным играть в демократию, улыбаться хористам и похлопывать их по плечу. Считалось, что в Советском Союзе все равны. Более того, в наши мозги внедрялась мысль, что члены партии – слуги народа. Болезненно воспринимались этим господствующим народом привилегии своих слуг.

Привожу большую цитату, читатель, удивляюсь, что мне в 2014 году попала в руки книга, написанная Игорем Ефимовым в 1979 году по материалам центральных газет и журналов 1975 - 1977 годов, эти размышления писателя о времени, в котором жила и я. Итак, бьём вёслами по воде и поднимаем отчаянные брызги.

24

(Цитата): «То неравенство, которое существует в социалистическом обществе, скрывает себя так тщательно и умело, что обыватель может почти и не заметить его. Закрытые распределители, закрытые столовые, закрытые сертификатные магазины, закрытые санатории, закрытые поликлиники и больницы, закрытые дачные посёлки – обо всём этом можно только догадываться по обрывкам информации, по слухам, по анекдотам». (Конец цитаты).

Привожу ещё одну цитату, написанную молодым, 42-х летним философом, который вынужден был покинуть свою родину в 1978 году, ибо нет пророка в своём отечестве: «Не нужно быть гением политического предвидения, чтобы предсказать: если бы республикам Советского Союза действительно было предоставлено право на самоопределение, очень скоро в Средней Азии, на Кавказе на Карпатах, на Украине запольхали бы пожары самых кровавых и беспощадных войн. Что же касается внутренней политики, то, может быть, только прибалтийские народы сумели бы установить у себя демократию. Остальные бы вскоре оказались под властью таких свирепых диктатур, что нынешнее правление Москвы начало бы им казаться ушедшим раем законности и правопорядка». (Конец цитаты).

Уважаемый читатель, не пугайся ты так, не буду я переписывать здесь всю книгу Игоря Ефимова. Но пойми, что меня удивили и восхитили параллели моей реальной жизни и фактов из его книги. А по поводу самоопределения республик и войн он оказался совершенно прав.

Много позже я отметила сама себе, что потайная комнатка была совсем маленькая, что не стулья, а скамьи, застланные ковровыми дорожками, стояли вдоль стен, вплотную. И скамьи – вовсе не скамьи, а доски, положенные на две табуретки. И, чтобы сесть к столу, нужно было

пробиравшись коленками вперёд, перебирая согнутыми ногами под столом. При этом верхняя часть туловища нависала над столом, рискуя опрокинуть на пол нарезанный кружочками сервилат, или задеть носом графин. Сам стол был весьма узеньким, колени сидящих напротив почти касались друг друга, а на столе едва умещались тарелки из потрясающе богатого сервиза. Впрочем, в тот вечер всё казалось мне в превосходной степени.

В столовой продолжались песни, казалось, запас их у людей неиссякаем. Для Толи – только удовольствие – подыграть что-то новое, незнакомое, поймать на слух, зайти справа, заглянуть слева. Да как же любили его в хоре! Поют и глаз с него не сводят. Эх, уйду я в «побочную тему» и расскажу, как ехали мы в ГДР. Плацкартный вагон полностью был заполнен хористами. Песни звенели жизнерадостные и нескончаемые: то всем вагоном поём, то группами. Толя – всё время с баяном. В какой-то момент он объявил забастовку, положил баян и сказал, что хочет спать. Что тут началось! Толя спасался бегством, а за ним гонялись по вагону и кричали: «Ловите тюльку!!» Слухач, самородок – горя с ним не было! Вот только платить ему за великолепную работу было нечем. Наглядный случай уравниловки. И столько таких случаев! Считай, только такие и были. Полставки там, полставки тут... Иногда шли на страшные нарушения. Например, нашему ветерану Семёну Кузьмичу Правдину за руководство хором платили две зарплаты: в музыкальном Обществе и в районном Доме культуры. Ну, это до первой проверки КРУ! А Толя Тюлюков играл из любви к искусству. Даша Иванова за руководство хоровым коллективом получала полставки, 45 рублей. Хоть ты и семи пядей во лбу. Помню, Алла Пугачёва, которая в то время только начинала свой музыкальный марафон, возмущалась, что её гениальный концерт оценивается издевательской «подачкой» филармонии: 16 (или 18) рублей. К слову, потрясающая популярность этой певицы ошеломляла. «Улетай, тучка! Улетай, тучка!» - и толпы народу ломились послушать Аллу. Валерий Моисеевич говорил мне, что люди просто соскучились по сердечным песням. Она противостояла официальному патриотическому репертуару, пела о любви, отказывалась участвовать в так называемых правительственных концертах. Её поведение называли в газетах хулиганским, но это, кажется, только прибавляло ей популярности.

25

«Всё смогу, я всё на свете смогу, если ты со мною, страна!» - красиво поводит красивыми глазами красивый Муслим Магомаев со сцены Большого театра, исполняя красивую «Торжественную песню» с красивыми патриотическими словами Роберта Рождественского и красивой музыкой собственного сочинения. Пугачёва бросает в зал примитивный мотивчик: «Любимчик Пашка!» И снова, много раз на все лады: «Любимчик Пашка!» Если бы я воспользовалась сленгом, то сказала бы, что слушатель стоял на ушах, выл и стонал от восторга. Да, что Пашка! Любовь, лето, цветы, встречи, костры на берегу! Простая человеческая жизнь, немножко греховная, очень мятежная, всем понятная. Невысказанные, но живые чувства озвучивала певица. Алла именно так проявляла свою гражданскую позицию. И анекдот того времени (народная мудрость!) остался в моей памяти. Вот он. Через две тысячи лет в институте у студента на экзамене спрашивают: кто такой Леонид Ильич Брежнев. Студент надолго задумывается, наконец, вспоминает: «Это какой-то политический деятель в эпоху Аллы Пугачёвой». Похоже, Игорь Маркович, что певица выбрала борьбу? Выдерживала отрицание, критику, но не отступала. «Надо же, надо же, надо ж так было влюбиться! Надо бы, надо бы, надо бы остановиться...» - распевала вся страна. «Миллион, миллион, миллион алых роз...» - несло из ресторанов и кафе.

За Дашу я боролась. Во-первых, она талант. Во-вторых, умеет ладить с людьми, а это уже не талант, а дар Божий. На Семёна Кузьмича хористы жаловались: «Грубит. Унижает. Шутки плоские». И как хормейстер он – практик, без консерваторского образования, с Дашей не сравнится. Мне пришлось твёрдо сказать ему «нет». Я получила от него «сдачи». Он сказал: «Если я не мог справиться с этим хором, то, что сумеет сделать ваша девчонка?» Но ради девчонки, Дарьи Юрьевны Ивановой, я ходила к Первому секретарю Яковлевского райкома партии, раскрывала ему идею создания хора именно в районном центре, в двух шагах от мемориала в честь Прохоровской танковой битвы. Создание народного хора на героической земле – это дань уважения мемориалу, это патриотическое воспитание (у нас была идея посетить все города-герои СССР). Я рассказывала Первому о Даше, что она перед хором, как полководец – перед войсками. Я просила квартиру для хормейстера-полководца.

Ради квартиры Даша согласилась практически даром ездить из Энска в соседний районный центр вечерами, по выходным, по праздникам. И на концерты, вроде вот этого, в колхозном клубе.

Квартиру Даша получила. Хор она ведёт и до сих пор - вот уже более тридцати лет. Но в конце восьмидесятых настали такие времена, что не могли мы платить и полставки ни Даше, ни Толе. Я пришла к начальнику управления культуры, Аркадию Олеговичу Кубахову и просила взять наш хор на баланс управления культуры. Начальник был в хорошем настроении, подписал мою просьбу и произнёс назидательно: «Ольга Александровна, не разваливать хоровые коллективы надо, а создавать!» Я не стала возражать умному чиновнику. Главное - хор не распадётся. Однако, и удивилась: почему такой добрый? Взял к себе хор – и ни звука жалобы на бедность, смету и прочие неодолимые препятствия! Похоже, его совсем не тревожили хозрасчётные дела государства. (Горбань во фраке... Не забыть!).

• * *

Кому-то из верхних эшелонов власти пришла в голову не очень удачная идея: включать меня в областные комиссии по фронтальным проверкам районов. «Включали» меня так: в обкоме партии создавалась комиссия. Человека три-четыре направлялись в командировку. И вот, проверять культурную жизнь района повадились приглашать меня. Здесь я и увидела «параллельную жизнь» номенклатуры. Содержание этих проверок – отдельный разговор, но «параллельная жизнь», скажу я тебе, читатель, весьма однообразна. Самое главное, однако, можно уложить в две строки. «Они» слушали изданные в «самиздате» песни Владимира Высоцкого. Вторая строка такая: после проверки требовалось написать подробный отчёт, анализ состояния дел в районе по твоей отрасли. И дать предложения по исправлению незамеченных недостатков.

Ну, знаете! Послушай, читатель, взглянула на только что напечатанную строчку и... просто «выпала в осадок»! Так что, в очередной раз отклоняюсь от главной темы, чтоб рассказать, почему смеялась и диву давалась? Дело в том, что я точно по диагнозу Зигмунда Фрейда ошиблась, написав «незамеченных недостатков» вместо «замеченных недостатков». Учёный утверждал, что оговорки подобного рода не бывают случайными. И в самом деле, разве можно за три дня изучить, анализировать, да ещё дать предложения... Даже не знаю, вычёркивать это правдивое «не», или так оставить? Оставляю, пожалуй. Отчёты наши не шли дальше архива обкома партии, никакой практической цели они не имели. Их складывали в папочку и отмечали как выполненную работу.

Мои «побочные» темы мешают возвращаться к основному рассказу. Читатель забывает, о чём это я? Я – тоже забываю. Нужно искать связки – сплошная забота. Так вот, продолжаю.

Партийные и хозяйственные руководители, то есть, тот самый класс чиновников-распорядителей, получает свои более высокие материальные блага. Мой помощник, философ Игорь Ефимов об этом явлении говорит: люди, наделяемые распорядительной функцией, радовались, а обделяемые огорчались. Радовались в нашей стране те, кто попадал в так называемую номенклатуру. Это означает, что, как правило, если тебя выгоняли (или, простите, переводили) с какой-то номенклатурной должности, то должны устроить на новую работу тоже номенклатурную и с зарплатой, не ниже прежней. И льготы разные полагались номенклатурному работнику. Ходили между нами словечки: «попал в обойму», «выпал из обоймы».

Зависть и ненависть тех граждан, которые не попали в класс чиновников-распорядителей, никогда не утихает. И начинают происходить процессы, о которых народ складывал анекдоты и притчи. Одну из них я расскажу тебе, читатель. Эту притчу я давно знаю, но вот сейчас она пригодится как раз. Итак, урок возле школьной доски. У некоего помещика работает умный, расторопный управляющий, который год от года умножает богатства своего хозяина. Но в чём дело? Управляющий каждый год сгружает возле своего амбара десять мешков хозяйской муки. Злые языки обвиняют его в воровстве (вывод: зависть богатству, хорошему работнику – оклеветать!). «Это лишь то, что прилипло к моим десяти пальцам!» – оправдывается управляющий, но хозяин выгоняет его (вывод: незрелость помещика, который не борется за хорошего работника, идёт на поводу у завистников, выбирает для своей души не борьбу, а покой). Новый управляющий обворовал и разорил помещика (вывод: цель завистников достигнута. Богатый – разорён, рачительный – оклеветан, теперь все равны, и мы вспоминаем знакомое слово «уравниловка»). Урок окончен.

27

По поводу анекдотов у меня тоже есть маленькое наблюдение тех лет. Когда я окончила педагогический институт, желание учиться дальше у меня не пропало. Рассуждая на тему «вот, если бы, да кабы», я выбирала себе объект для диссертации, и выбрала – анекдоты. Мы с Марией Васильевной Селезнёвой, доцентом психологии пединститута, обжигая пальцы испечённой в костре картошкой, придумывали название моей предполагаемой темы. Мы использовали, слова: «сгустки», «золотой потенциал», «отражение времени», «свобода коллективного мышления», «от сумы и от тюрьмы...» (тут наши мужья над нами вволю потешались) и ещё много чего.

Мария Васильевна – светлый человек. Я сдавала ей экзамены по психологии в пединституте, и экзамены эти были похожи на состязание умов, блистали клинки, сияли глаза. Она ставила оценку не столько за знания, сколько за умение мыслить. Наши семьи потянулись друг к другу. Однажды Мария Васильевна принесла для моей пятилетней Катюши маленькие перчатки. Ребёнок пытался, но как ни старался, надеть перчатки не удавалось: все пальцы попадали в одну ячейку. Катя захныкала. Я рассердилась. А Мария Васильевна радостно воскликнула: «Какое у нас счастье! Малыш не может попасть пальчиками в перчатку». Она присела возле моей дочери, и, приговаривая ласковые слова, среди которых мелькало и это прекрасное слово – «счастье», надела маленькие перчатки на маленькие ручки. Мы дружили, бывали друг у друга в гостях. И вот однажды (опять «однажды»! увы) мы с Марией Васильевной у меня на кухне стряпали что-нибудь и разговаривали ни о чём. Хотя, нет, с Марией Васильевной никогда не было разговоров «ни о чём», всегда было интересно, комфортно. Вдруг она замолчала. Я взглянула на неё и увидела, что

она смотрит немного испуганно на цветы, которые зелёной ниточкой с листочками свисали с буфета. «Я вдруг поняла, - произнесла она, - что они искусственные». Меня бросило в жар.

«Цветы» я выбросила этим же вечером. Что касается темы диссертации, то и она, и я знали, что разговоры наши пустые, и никто не разрешит мне исследовать такой щекотливый объект. Я записывала некоторые анекдоты в записной книжке, купленной в ГДР (это 1985 год), но записывала эзоповским языком и сокращала слова, да так, что сейчас ничего понять не могу. Делала я это из осторожности – вдруг потеряю книжку! Смотря, кто найдёт... Анекдоты не печатались в периодике и не рассказывались открыто. Но, кто бы мог поверить, я была почти лидером по знанию анекдотов, уступая только Валерию Моисеевичу. Мы, коллеги-зампреды областных и республиканских Обществ, в командировках набивались вечерком в гостиничном номере Валерия Моисеевича, и травили анекдоты почти до утра. По кругу ходил настоящий напёрсток, который наполнялся настоящим коньяком. Смею уверить тебя, читатель, этика жанра строго соблюдалась.

Кто читал книги писателя Виля Липатова, тот заметил, что Липатов одним из первых в советской литературе начал оправдывать привилегии для начальников, и не только оправдывать, но и доказывать их абсолютную необходимость. Но равнодушный, глубоко любящий свою родину, верящий в социализм, писатель мечтал о советских руководителях, настоящих коммунистах, честных, рачительных, волевых, квалифицированных руководителях, у которых есть все условия, в том числе бытовые, чтоб достойно проводить в жизнь важную для общества распорядительную функцию. Виля Липатова запретили печатать. Вскоре писатель умер. Видимо, он смотрел далеко вперёд, и борьба его была неравной. Последний роман Липатова «Лев на лужайке» я прочла много лет спустя. В те же годы был запрещён и роман Ивана Ефремова «Час быка», с острой критикой существующего строя.

Вспоминая сейчас эту привилегированную прослойку, я думаю, насколько корректно всё было по сравнению с тем, что потом случилось со страной. И, тем не менее, остервенелую злобу вызывали у людей эти привилегии. Например, подарки обкомовским работникам к Новому году! Целлофановые пакеты в руках некоторых прохожих, только что отделившихся от крыльца «Белого дома», казались кощунством. Одного такого счастливчика я однажды случайно встретила именно там, на площади Революции в маленьком скверике - с памятником Ленину, со скамейками, цветами и кустами сирени. Зима была такая тёплая, день такой солнечный, что почки набухли, на скамейках сидели люди, Ленин сжимал свою кепочку, а прохожий с пакетом улыбался: то ли погожему деньку, то ли подарку – свежие огурцы, апельсины, мандарины... В самом деле, слюнки текли. В магазине ведь не купишь! Несли бы уже эти дары Деда Мороза в закрытых сумках! Меньше было бы разговоров. Перед выборами (помните – Ельцын или Зюганов?) я стала свидетелем яростной ненависти избирательницы к своему соседу-коммунисту. «Ненавижу! Живут в своё удовольствие!» - кричала она. «Позвольте, - попыталась я ей возразить, - но у Вашего соседа точно такая же, как у Вас трёхкомнатная квартира! Каким же это образом он живёт в своё удовольствие?» Женщина много рассказала, но уши мои завяли и информация не удержалась.

Загородные дворцы, высокие, прочные заборы, железная охрана, миллионы на банковском счёте и многое другое появилось позже, но не об этом мой рассказ.

Вкусила «на зубок» и я из номенклатурной миски: работала в то время в редакции районной газеты. Кто-то добрый прикрепил «среднее звено» редакций к специализированной поликлинике обкома партии. Я и не знала о такой. Оказывается, в двух шагах от твоего маршрута есть чуть заметный поворот. Открываются двери и! К твоим услугам врач без очереди. Кабинет врача украшен цветами, на окнах шторы. Всюду безукоризненная чистота. Но это ещё что! К твоим услугам бассейн, зал с тренажёрами, контрастный душ. Ещё какой-то невообразимо приятный душ: тугие струи воды бьют прямо из стен по твоему телу, а ты только поворачиваешься то одним боком, то другим. Наверное, как-то он называется, но я не знаю. И не встречала с тех пор ни разу такого душа. Палаты для больных одноместные, с телевизором, телефоном, с кнопкой вызова дежурной. «Попали в обойму!» - повезло среднему звену журналистов. Правда, кто-то где-то спохватился, и нас из «обоймы» быстро выкинули. По этому поводу ушлые газетчики долго зубоскалили.

Была на моей памяти ещё одна, невероятная льгота – подписка на литературную классику. Миша владел этой льготой. Вы думаете, наши книжные полки ломились от редчайших экземпляров золотой прозы и поэзии? Ничуть! Голсуорси, Фейхтвангер, Жорж Санд обогащали интеллект Ирины Николаевны Стожок. Лучшему учителю музыки своих детей ежегодно оформлял дефицитную подписку заботливый папа, ибо на этих именно условиях и согласилась талантливый педагог учить Катю и Ваню. Но и нам перепало: Чернышевский, Добролюбов, Гоголь, Шишков, Герцен, Горький, Белинский оседали на наших полках, Ирине Николаевне они были не нужны. Но их издавали и принуждали выкупать вместе с популярными авторами. Сказать по правде, Ирину Николаевну можно понять: в книжных магазинах такие книги не продавались. Она бы и сама их купила. Но её шантаж вызывает у меня неприятный осадок: Миша и по обычной просьбе сделал бы ей эту подписку.

Журналы «Наука и техника», «Вокруг света» - тоже были дефицитом. Мы их выписывали: такие буржуи.

Что-то в своём «протоколе» я не соблюдаю хронологического порядка: какой-то квадратно-гнездовой способ изложения.

● * *

В наше областное музыкальное Общество - тоже приехала проверка. Да не кто-нибудь простой, а заместитель председателя правления Всероссийского музыкального Общества. То есть, первое лицо. Я мучила беднягу рассказами о нашей работе, знакомила с методистами, открывала объёмистые папки с отчётами о проведённых мероприятиях, раскрывала перед ним темы заседаний нашего президиума, объясняла, почему именно эту тему рассматривали и что из этого в итоге получилось. После обеденного перерыва я по простоте душевной намеревалась продолжить беседу. Но он напросился ко мне в гости. Домой. Что ж! Не привыкать. Быстро пришла «скорая помощь» в лице Ксюши. Мы испекли с ней фирменные пирожки из творожного теста с яблоками. В ближайшем магазине продавали приличный коньяк. Картошку поджарил Миша. Кабачковая икра отыскалась в холодильнике. Гость подивился роялю (нашей гордости) в эдакой-то тесноте, сел поиграл.

Ну, как же не рассказать по пути повествования, что заходили к нам в гости и Калистратов, и Струве. Оба обязательно играли, восхищались роялем. Особенно Струве запомнился. Сколько бы

раз он ни бывал у нас, столько же раз главным номером его программы был один и тот же мультфильм: «Волк и Цыплёнок». Григорий Алексеевич садится к роялю. Пробегает пальцами по клавишам и очень серьёзным голосом начинает рассказ о том, что Волку волею судьбы довелось стать мамой Цыплёнка. Волк полюбил малыша и решил с ним не расставаться. В конце мультфильма (замечу, что весь мультфильм в музыке мы так и не слышали: только последнюю фразу) звучит: «Неужели вместе?» - пищит голосом Цыплёнка Струве. Правая рука тихонько касается клавиш третьей октавы. И следом – басовые аккорды, как обвал: «Да! Да! Да!» - радуется Волк. И мы все орём вместе с ним: «Да! Да! Да!»

Нынешний гость тоже чувствовал себя, как дома, похвалил угощение, восхищался моей дочерью, моим сыном, моим мужем. Вот собачки у меня не было. Потом мы с Мишей проводили его до гостиницы.

На следующее утро по плану - визит к начальнику управления культуры. Приходим к Сидоренко, а у него Нина Лукошюс, красивая заведующая Энским районным отделом культуры. Обмен приветствиями, растягивание ртов до ушей, изъявления неимоверной радости, то, да сё. Нина вдруг говорит, как о деле давно решённом: «Я всех у вас забираю, Пётр Иванович!» Берёт под руку моего гостя и увлекает к выходу. Мы – за ней.

Короче, я могла засушить на корню бедного проверяющего, иначе и не знала, что делать. Зато Сидоренко знал! Допускаю, что мой гость позвонил начальнику и взмолился, чтоб тот освободил его от очень старательной Лёвиной. Нина усадила московского гостя в свою машину и укатила с ним в село Дубовое, яблочное и зелёное! А ты, Лёвина-Сухаревская, иди к своим замечательным толстым папкам.

Нанизываю воспоминания, как бусинки на нитку. Вот ещё одно. Жил-был некто Юлий Герасимович Максимов, и попросил он меня однажды поехать с ним в командировку в Старый Бейск. Для подготовки фестиваля. Юлий Герасимович возглавлял в то время областной научно-методический центр. Этот мужчина небольшого роста всем своим видом не допускал неуважения к себе, сумел поставить себя так, будто он Аполлон. Ко мне он испытывал некоторую привязанность, потому что мой муж когда-то написал репортаж из музыкального училища о талантливом мальчике Юлике Максимове, который учился сразу на двух отделениях: скрипичном и фортепианном. «Да, это был я», - сказал несколько располневший мальчик.

В Старом Бейске мы направились в горком партии. Уж это – обязательно. Инструктор отдела пропаганды, будто дорогих гостей ждал: «О! У нас сегодня женщина». Вот невидаль! В руках у него невесть откуда появился букет роз: «Цветы - красивой женщине!» Что мне оставалось делать? Я взяла букет. Благодарила. Удивилась, смутилась... Была даже польщена: цветы всё-таки! «Уж сколько раз твердили миру...» Узнав, что мы не обедали, нас решительно повели... комнатка на три столика, уютная, светлая. Умопомрачительно отглаженные накрахмаленные скатерти, цветы. Обед принёс серьёзный молодой человек в поварском колпаке.

В дальнейшем выяснилось, что и в Бейский отдел культуры идти не надо: «Василий Васильевич придёт сюда». Попробуй-ка руководитель музыкального Общества «вызвать» к себе кого-то? Пожмут плечами. Ну, Юлий Герасимович! У меня – общественная организация. Всё на добровольных началах. И потом – я буду не вызывать, а приглашать, не приказывать, а просить.

«Я обещал ей наладить систему парового отопления, - сказал мне Миша, - обещал, что в следующую ночь будет тепло». Ничего себе! Наладить паровое отопление, да ещё за один день? Знает ли эта дама из приёмной Первого, что такое центральное паровое отопление? Хотя немного представляет себе, как его налаживают, кто этим занимается? Ведь по сути она потребовала у журналиста невыполнимого решения: чтоб в следующую ночь было тепло! Как там в сказке: «Я сохраню тебе жизнь, если ты принесёшь мне перо жар-птицы! А не принесёшь – мой меч, твоя голова с плеч!» После обещания Миши «она» согласилась «не поднимать вопроса». Кстати, Миша таки ходил по подвалам общежития, изучал систему парового отопления. Нашёл забитое «колесо». Кто-то был в отпуске, кто-то был новичок: как ставить? Миша ставил это колесо вместе с рабочими. Стало теплее, но не сильно: нужен капитальный ремонт. Стрелочник-ик! Ты разве не понял, насколько ты виноват: «Почему до сих пор холодно, неуютно в спальнях юной смены рабочего класса?» Отвечай, Лёвина!

• * *

Столько сил, столько энергии было отдано музыкальному Обществу! Как мечтали мы о полных залах слушателей. Но получалось наоборот: на сцене несколько хоров, оркестр, а в зале, как мы (и нам) говорили: «Три сестры и дядя Ваня». Полные залы собирали Пугачёва, Макаревич... Мы мечтали о том, чтобы зал пел вместе с нами, но такого созвучия у нас никогда не было. Вместе с певцами пели не залы даже – стадионы! Но не в концертах музыкального Общества. Ответ на многие «почему», конечно, есть. Но я на него отвечать не буду. И не уговаривайте! Мне всё хотелось объединить усилия различных ведомств в единый поток музыкального искусства, не учитывать хотя бы один и тот же, например, хор, по крайней мере три раза: в профсоюзной сети, в управлении культуры, в управлении профтехобразования. Анализировать не берусь. Однако – факт! Наши усилия оправдывались на смотрах, но тут же разваливались при награждении участников: премировали только «своих». Ведомственные границы объединяла линия партии, не вмешиваясь особо. Ну, а музыкальное Общество настойчиво пицало: «Я – тигр! Вот послушайте, как я рычу: *Ми-и-у!*» Развалился СССР, «ушла» пробивная сила КПСС, и музыкальное Общество развалилось. Как будто шли мы против течения, и это течение крепло, пока не опрокинуло нас и не разнесло в щепки.

В это время особенно развернулась моя журналистская деятельность. Об одной из статей о распределении выпускников музыкального училища по сельским школам Миша начертал неоновыми буквами: «Написано блестяще, но публиковать не советую, будут большие неприятности». Я его не послушалась. Областная молодёжная газета, как опытный жонглёр,хватила статью, и поставила «в номер»! Это значит, смахнул редактор локтем со стола все статьи и заметки, положил перед собой мой текст «написано блестяще» и, как гурман, принялся читать. Самовольный редактор молодёжки испортил текст: изменил заголовок и концовку, не спросив. Но в то время допускали редакционную правку без согласования с автором. Почему, кстати? Это вмешательство переставило акценты не в мою пользу. У меня было мягче, у меня не было чёткого ответа на решение проблемы, оставался открытым вопрос: читатель далее сам размышлял о судьбе выпускника, и не только музыкального училища, но любого выпускника. Газетный вариант не потерпел раздумья: виновата героиня очерка – и точка! Это она, и только она (такая-сякая!) не хочет ехать по распределению в отдалённое село. Всё конкретизировал редактор. Размахнулся от радости.

Неприятности были, но о них позже. Я, конечно, понимала, что тема, поднятая в корреспонденции, тупиковая: распределение выпускников-горожан - вечная неразрешимая проблема. Кому это охота ехать в село не менее, чем на три года! Как будто ссылка! Понимала, что плетью обуха не перешибёшь, но тема была злободневная, газете не просто нужная, а очень нужная, и я самолюбиво «повелась» на похвалу: «Написано блестяще». Эх, Лёвина!

● * *

Пришёл к нам со своими делами, со своим равнодушием и жаждой деятельности преподаватель музыкального училища, скрипач Олег Иванович Орехов. Как раз о нём я упоминала в связи с концертом «перед фраками». Неудобный человек, вспыльчивый, невыносимый для начальства. Общество ему обрадовалось. Вскоре на базе камерного оркестра Олега Орехова открыли мы семинар для скрипачей. Олег сам называл, кого из преподавателей пригласить из Московской консерватории или из института имени Гнесиных. Его любимый преподаватель по классу скрипки Людмила Алексеевна Чугаева, доцент Московской консерватории, охотно приезжала на наши праздники. К её приезду оркестр разучивал новую программу. Волновались: одно из произведений будут исполнять вместе с Учителем... Методисты сбивались с ног от нервного Орехова: «Стой там! Иди сюда!» Но какие прекрасные были программы!

Противников Общества не уменьшалось, имя им легион. Вот вам инструктор горкома КПСС из города А.: «С каких это пор я должен ещё и в хоровых конференциях участвовать?» Для него само понятие «музыкальное Общество» было сродни понятию «Лохнесское чудовище»: что-то далёкое и экзотическое. Но главное – необязательное для него лично, и не слышал о таком никогда. И вдруг, обком партии вызывает... Кстати, эта реплика – наша победа: на местах шевельнулась слепая и глухая тьма.

● * *

Я так углубилась в воспоминания и размышления, с таким удовольствием озвучиваю побочные темы, что читатель наверняка забыл уже, что я в вагоне скорого поезда «Москва – Энгс». Поездом этим горожане гордились, очень удобно было ездить в Москву за продуктами: приезжаешь утром, день бегаешь по столице, вечером обратно, спи себе спокойно всю ночь, отдыхай. И анекдот того времени помню. Вот он: в обком партии поступило много жалоб, что в Энгске плохое снабжение, нужно принять меры. Первый секретарь обкома КПСС меры немедленно принял: пустил ещё один поезд «Энгс - Москва- Энгс». Вот, я как раз в одном из них, в новеньком купе. На длинном столике стоит букет цветов от Калистратова, а у меня есть время бросить взгляд на нашу работу со стороны. Я вдруг почувствовала себя такой старшей, такой ответственной – руководитель областной общественной организации! Да, непопулярной! Да, неустойчивой! Мне просто необходимо посмотреть вперёд. Вот я и смотрю! В потолок, вернее, созерцаю обратную сторону верхней полки четырёхместного купе. Хотя... Легендарный кинорежиссёр Ридли Скотт утверждал, что «Лучший в мире кинозал – это мозг...» Так что верхняя полка ни в чём не виновата.

● * *

У коллектива много работы. Я вообще едва вспоминаю, что у меня двое детей. Но областной советский профсоюз нашу работу работой не считает: «Вы там себе галочки ставите, а мы

работаем. Что вы привязались к этому Дегтярёву, каждый год отмечаете!» Или: «Ай! Что ты мне рассказываешь? Всё делало управление культуры, а Общество отчитывалось только!» А эта беседа – после публикации корреспонденции (блестящей), с директором училища Иваном Николаевичем Гапоновым. На тот момент он был председателем правления Общества. Это трусливый, негнувшийся функционер, одно из неприятных порождений советской власти. Впрочем, возможно, советская власть и не при чём. Может быть и советская власть пошатнулась именно от таких вот функционеров.

«...Не будьте добренькой, Ольга Александровна! Вы работаете за счёт училища, Вы приходите сюда и здесь всё высматриваете! Башвинова там Пудовочкину говорила, что в училище всё плохо, неправильно. Это всё от Вас!! Не надо заниматься сплетнями! Мы выйдем с Вами на объяснение в партийные органы!» Он говорил, искажённый от злости. Я молча слушала, проследила, как он достал аккуратно сложенный носовой платок, развернул его, вытер брызнувшую слюну, снова тщательно сложил и положил в карман. После его манипуляций с платком, я сказала, чтоб он выбирал выражения при разговоре со мной. Но пока он говорил, несправедливость его слов вгрызалась в сердце, кровь отливала от лица. Мне было плохо. И с этим человеком я обязана сотрудничать! Нет. Это он обязан сотрудничать со мной. Только так. Иван Николаевич извинился. Тогда я стала говорить о деле, по поводу которого пришла. (Для тебя, читатель, поясню: Диана Башвинова – умница, радиожурналист, Эдуард Пудовочкин – скрипач, нелюбимый преподаватель Гапонова. Кстати, любимых у него и не было).

Устойчивым и живучим было неприятие этой непонятной организации. Никто и не подумал никогда, что говорит о живых людях. Вот, послушайте: «Вам только предложения давать, а работать-то нам! И наплевать нам, что вы там предлагаете, мы тоже не лыком шиты, мы в своём ведомстве, и ничего знать больше не хотим». Ещё: «Забирайте ваши деньги и чтоб больше не приходили». И – снова ещё: «Решить, что мы повезём в Старый Бейск, какую программу, разрешите нам самим, без Вашей помощи. Прошу Вас меня не учить работать». Так взбесила моего собеседника просьба, включить в программу концерта академический хор, кстати, по просьбе хора. Думали, что к моему мнению руководство прислушается. Не тут-то было! Директор Дома культуры крупнейшего завода Энска Виктор Блинов выговаривал слова, чеканя их, делая мне одолжение. Я должна была усвоить, какой он сдержанный и культурный, что не спустил меня с лестницы.

Мы продолжали работать. Я много разговаривала с методистами, учила их ответственно относиться к малейшим деталям. Легко сказать! Разговариваю с Наташей. Она: «У меня есть дядя Боря, так он вот такой, как Вы: всё меня наставляет, наставляет... Вас бы вместе свести». Наташа говорит без иронии. А потом вдруг начинает зевать. Кошмар! Может быть, я хочу чего-то невозможного? Нас так мало, каждый методист должен быть бойцом. «Я не от Ваших слов зеваю» – «Не досыпаешь, что ли?» Потупилась и ковыряет ногтем стол.

● * *

В купе темно, лишь мелькают огни полустанков. Под стук колёс хорошо размышлять о том, о сём. Конечно, букет Калистратова появился точно неспроста. Я понимала, что сама я как таковая не имела к этому подарку прямого отношения: меня мои коллеги заметили не сразу. Возможен ли был этот «галоп», этот «пробег через всю Москву» года четыре назад? Нет, нет и нет! Букет Виталия – это необычная оценка работы музыкального Общества! Да! Не букет, а символ!

Потрясённая этой мыслью, я глубже втиснулась в подушку, не веря своему открытию. «Поверь, поверь!» - выстукивали и выстукивали колёса. Незаметно для себя я уснула. Мне приснился сон. Я стояла на ступеньках вагона и наблюдала удивительную картину: по перрону бежал-летел, Виталий Калистратов, проникая сквозь толпу провожающих, мужчин, женщин, детей, ящиков, чемоданов, как волшебники проникают сквозь стены. Ноги его почти не касались земли, он приближался, парил, летел, бежал, а я, радуясь, ждала его приближения. Как это бывает во сне, я ничуть не удивилась, что Виталий в строгом костюме, в галстук, что в руке его сияет и горит огнём под солнечными лучами золотой камертон. Он, как в замедленных кадрах киносъёмки, проскальзывал толпу, приближался ко мне, торжественный и серьёзный. Приблизившись, он каким-то особо галантным жестом, без улыбки, с лёгким поклоном подал мне камертон. Я, тоже, как в замедленных кинокадрах, подняла к нему лицо, встретила глаза и с волнением потянулась навстречу, взяла камертон. Он был тёплым. В эту секунду я проснулась. «Хоть поверьте, хоть проверьте...»! Камертон! Виталий принёс мне камертон! Он дал мне «Ля», я уже могла понять, что делать дальше. Радостный, светлый, редкий сон, один из тех, что посылает нам Ангел в час прозрения.

• * *

...Поезд приближался к Энску. Люблю подъезжать к станции, когда все пассажиры стоят наготове, все молчат, и только слышен неторопливый перестук колёс на стрелках. Вот и перрон. У меня при перестуке колёс: всё реже, ещё реже, и уже совсем неожиданно – ещё раз, последний раз, прощальный «стук!» - сжимается сердце, охватывает волнение, будто какие-то древние чувства высвобождают свою энергию. Поезд незаметно остановился.

Проводница наша, Татьяна Сергеевна, Танечка, такая славная, становится у выхода и, как своим знакомым, или даже родственникам, со светлой улыбкой, которой веришь, желает счастья, удачи, хорошего настроения. Все сердечно прощаются с ней. Выхожу и я. С букетом Калистратова. Миша встречает меня (он всегда меня встречает, отовсюду, и всегда с цветами), берёт из рук тяжёлую сумку (продуктов я, конечно, накупила, сколько могла). Я соединяю букеты и опираюсь на руку мужа.

ВЗЯТКИ

«Есть вершины, взобравшись
на которые ты больше не спускаешься вниз,
а, расправив крылья, летишь ввысь».

Ричард Бах.

В мой кабинет заглянула Аня Ларина. (Ремонт кабинета... Не забыть!).

- Ольга Александровна, идёте, все уже собираются!

Куда идти, зачем? Меня, видимо, забыли предупредить. Нет, привыкнуть к этому невозможно, остаётся действовать по принципу: «Если ты не владеешь ситуацией, отнесись к ней с юмором». Но, Боже мой! Не много ли юмора в моей жизни?

Автобус управления культуры, похожий на буханку хлеба, привёз нас в парк «Победы». Парк совсем молодой, тоненькие деревья просвечивают далеко, до самой речки. Возле павильона, новенького, изящного, людно. Народ заходит внутрь. Я уже выяснила, что должна была принести подарок и цветы по случаю юбилея начальника управления культуры, недавно назначенного, новенького, как эти деревья и этот павильон... И усмехнулась сама себе, что вечно ищу сравнения да образы, куда б ни посмотрела. Однако, что же мне делать? На юбилей пришла с пустыми руками. Правда, на подарок нужны наличные деньги, никто не будет продавать букет цветов по безналичному расчёту. А наличные – это бой с Анной Филипповной: «В смете не заложено!» Спокойнее – заплатить из своего кармана. Но ничего этого я сделать не успела.

Не помню, чтобы когда либо рождение высокого функционера отмечалось так пышно. Это что-то новое. Наверное, свежие ветры конца восьмидесятых? Или дело в том, что новый начальник хорош собой? Новым было и то, что торжество проводилось в павильоне, а не в кабинете. И то, что оно вообще проводилось. Поздравить новорождённого собралась, казалось, вся красота города Энска, в основном, женщины. Образовалась такая своеобразная живая гирлянда, сияющая улыбками, цветами и причёсками. Ведущий называл фамилию, от гирлянды отделялось трепетное существо и направлялось к виновнику торжества через небольшой зал. Я тоже стояла в этом благоухающем духами строю, и голова моя дымилась: я искала решение, как не уронить авторитет Общества, как сделать, будто так и было задумано: без подарка и без цветов... Хорошо, что сегодня я на высоких каблуках.

Меня назвали. Сделала шаг из «строю»: секунда – и я знала, как поступить! Он будет в эту минуту не начальником, а *мужчиной*. Так! Я - нежность и восхищение, тёмные локоны. Улыбка. Подхожу, смотрю в глаза, протягиваю руку и - голосом грудным, бархатным: «С днём рождения, Аркадий Олегович!» Обратный путь – разве что-то не так? Всё так: никто и ухом не повёл! Привыкли.

● * *

Наш маленький коллектив давал о себе всё больше информации. В этой главе я расскажу немного подробнее о нашей повседневной жизни, о том месте под солнцем, которое удалось завоевать нам в области. Жизнь казалась стабильной, безоблачной, вечной. Зарплата – гарантирована, два раза в месяц. В этом никто не сомневался. В магазине нет мяса? Зато есть толстое, толстое сало «не верь глазам своим»: этикетки утверждали, что это и есть мясо. Поступало оно из знаменитого ордена Трудового Красного Знамени колхоза имени Фрунзе, что в Энском районе. (По-секрету скажу, что в этот колхоз возили всех столичных и зарубежных гостей, показывать, как там всё хорошо устроено, как расцветает советское народное хозяйство, зажиточно и культурно живут крестьяне). В гастрономы «выбрасывали» тонны свежего, изумительного карпа из местных прудов. За ним выстраивались огромные очереди, в основном – покупатели из соседних городов и деревень. Зима всё так же укрывала землю снегом и пугала морозами, весна бурлила слякотью на тротуаре, на проезжей части дорог и голубела дивными

пролесками в окрестных лесах. Майские праздничные демонстрации собирали на улицах тысячи горожан, над площадью Революции лилась родная до умиления песня Дунаевского «Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля...» Лето было озабочено отпусками, собственными огородами и садами. Обком партии активно «спускал» колхозные разнарядки всем учреждениям и предприятиям, от заводов, до яслей... Мою вечную беду – головную боль, подлечивали в дневном стационаре при областном туберкулёзном диспансере с помощью многих процедур, лекарств и обязательного отдыха днём в уютненькой чистой комнатке. Право, те месяцы, когда голова моя не болела, надо бы записывать в книгу рекордов Гиннеса.

После уборки урожая на колхозных полях, ближе к зиме в клубах, Домах культуры шумели фестивали фольклорной музыки, проводились смотры художественной самодеятельности. Каждый колхоз требовал ВИА (кто забыл – вокально-инструментальный ансамбль), готов был выложить за него, по безналичному расчёту, любые деньги. Для нас появилась новая форма работы: смотры ВИА. Я поражаюсь, как проникновенно, с какой отдачей, с глубоким чувством, так искренне исполнялись патриотические песни мальчиками и девочками «под ВИА»...

Озабоченные и взволнованные чиновники от культуры мчались в обком партии с кипами бумаг – подробными планами работ на предстоящий период.

Много позже, в тот мой, предпоследний, приезд в Россию в 2010 году, Валерий Моисеевич Вольфин, за непременною чашкой чая при встрече, досадовал, что нет сейчас музыкального Общества! Всё-таки деятельность его была направлена на пропаганду музыки, в том числе, и преимущественно – классической. Да. Какие хорошие, талантливые музыканты работали на этом поприще! Кутузов, например, Струве, Минин, Свешников, Калистратов, Пахмутова... Да и сам Валерий Моисеевич. Боже мой! Познакомилась с человеком поближе, и открылась глубокая и прекрасная душа его. И это не в романе каком-то у Фейхтвангера или Толстого. Это в жизни! В моей! В одном из писем к нему попросила я Валерия Моисеевича назвать мне несколько музыкальных произведений, чтоб я могла слушать то, что он считает наиболее прекрасным. Мне важно именно его мнение. И что ж? Получаю письмо из столицы.

«Вы спрашиваете о любимых моих пластинках! Их перечислить нелегко, так их много. Поневоле вспоминаешь Козьму Пруtkова с его утверждением, что три вещи, единожды начав, трудно кончить: вкушать паштет из гусиной печёнки, беседовать с вернувшимся из похода другом и чесать где чешется. К этому реестру я добавил бы перечисление любимой музыки. Впрочем, попытаюсь.

С особой нежностью я вспоминаю симфонии Моцарта, Брамса, Чайковского, Шуберта, Шостаковича, «Requiem»-ы Моцарта, Верди и того же Брамса, Форе. Потрясён раз и навсегда всем, что создано Мусоргским – особенно вокальным циклом «Песни и пляски смерти» в исполнении Б.Р. Гмыри (помните ли этого великого украинского певца?), «Борисом Годуновым», «Хованщиной», романсами, «Колоколами», «Всенощным бдением» Рахманинова, его же романсами и фортепианной музыкой. Шопеном. Симфоническим циклом Бедржиха Сметаны «Моя Родина», «Stabat Mater» и симфонией «Из нового света» Дворжака, и, ой, как много ещё всего. До конца жизни моей будет сочиться кровью цикл романсов Д.Д. Шостаковича «Из еврейской народной поэзии», его же квартеты и романсы. Люблю духовую музыку Березовского и Чеснокова, оратории Свиридова «Памяти Сергея Есенина» и потрясающие «Курские песни», его же «Пушкинский венок» и другие хоровые циклы. «Перезвоны» Гаврилина. Это, конечно, ещё не всё.

И через некоторое время - продолжение в следующем письме.

«P.S. Олечка, приходилось ли Вам слушать симфоническую хоровую сюиту «Перезвоны» В. Гаврилина? Если нет, очень рекомендую – потрясающая вещь! Ещё рекомендую хоровые циклы Р. Щедрина на стихи А. Твардовского и Вознесенского, духовую музыку П. Чеснокова (лучше в исполнении Петербургской капеллы В. Чернушенко), слышали ли Вы вокальные циклы Мусоргского «Песни и пляски смерти»? Д. Шостаковича «Из еврейской народной поэзии»? И. Брамса «Песни любви» и «Новые песни любви»? Всё это – разная музыка, которую объединяют два признака: она гениальна и она существует в записях.

Всё это не исключает симфоний В. Моцарта, Малера, П. Чайковского, Д. Шостаковича, фортепианной музыки Ф. Шопена, Грига, С. Рахманинова, С. Прокофьева и много чего ещё – всего не перечислишь! А Бах! который вообще не рядом с Богом, а сам - Бог!

Ничего себе программочку я Вам предложил – знай наших! Поистине, «Не тронь лиха, будет тихо!» Обнимаю Вас, дорогая Олечка и жду Ваших прекрасных писем. ВВ.

P.P.S. А немецкий реквием Брамса, а реквием В. Форе – совершенно непривычный песенный реквием! А. . . а.. .а. . . . ! Ой, меня только тронь! . . Опять же ВВ.».

И всё же – случилось то, что случилось! И моё прекрасное музыкальное Общество развалилось. Как говорит мой помощник, философ и писатель Игорь Маркович Ефимов, история всё расставила по своим местам. Может быть, и расставила, но вот из писем Валерия Моисеевича я не разрешила бы никому вычеркнуть ни единой буквы.

Юрий Сергеевич Горянов (тот самый, что принимал меня на работу) пришёл к нам с хорошей идеей: поднять на щит имена композиторов ХУШ – XIX веков - Степана Аникиевича Дегтярёва и Гавриила Якимовича Ломакина. Родились они в нашем певучем крае, в семьях крепостных крестьян вотчины графов Шереметевых. Не знали они друг друга при жизни, но судьба объединила их, как близнецов. Оба были певчими мальчиками в московском хоре театра графа, оба по воле господ своих получили хорошее музыкальное образование, оба тяготились цепями рабства (фи! какой штамп, Лёвина), оба стали видными композиторами своего, и не только своего, времени.

Дни памяти этих композиторов стали ярким и востребованным событием в области. Началось всё с небольшой беседы о Дегтярёве хрупкой Лии Лепской, научного сотрудника Останкинского Дворца-музея творчества крепостных. Я её встречала на вокзале: «Как узнать Вас?» - «Красное пальто, коричневый мех». И в этом пальто – красивая девушка с большими глазами. Как тонкий ручеек – начало реки, так интересный рассказ Лии перед двумя десятками любителей, положил начало большому, всё расширяющемуся потоку знаний о Дегтярёве и Ломакине. Новым было то, что беседу проводила настоящая москвичка, научный сотрудник музея. Она каждый день ступала по тем половицам, где столетие назад собирались знатные господа, любители театра. Она в совершенстве знала множество деталей из жизни крепостных артистов, и это чувствовалось в её свободном, насыщенном, спокойном рассказе. Её лицо и глаза будили воображение. В этом

театре просвещённого русского мецената блистала Прасковья Жемчугова, звучали ангельские голоса мальчиков, привезённых из глубинки в Москву для строгого, профессионального обучения хоровому пению. И два из них жили здесь, неподалёку, в нашей певучей Борисовке.

Высокая, интеллигентная, черноглазая Лия и сама, казалось, только что сошла со сцены Шереметевского театра. Я тихо радовалась этой находке.

Наша Марина горячо взялась за разработку интересной темы: столько мыслей! Столько творческих планов! Забегая вперёд, скороговоркой скажу, что приглашали мы на один из первых фестивалей хор из столицы под руководством Николая Кожевникова. Одним из «фейерверков» этого фестиваля был концерт москвичей в Борисовке. Там их встретили красивые девушки в национальной одежде, хлебом-солью. Вкусный хлеб тут же и съели, отламывая по кусочку. Московский хор пел забытые, довольно трудные произведения наших земляков непосредственно на их родине. Зал скромного районного Дома культуры был переполнен. Борисовцы были горды.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Например, никто не знал, как выглядит Дегтярёв: не сохранилось ни одной фотографии, ни рисунка. Но как же так! Это несправедливо. В газете и по областному радио прошли целые дегтярёвские циклы, полновесные очерки о жизни земляка. Один из очерков, автора Лёвиной, читал артист нашего театра Виталий Стариков. О, Виталий, обожаемый друг! Сейчас он Народный артист России. Он так прочёл мой очерк, что я сама себя не узнала: «Как же хорошо я написала! Как тонко Виталий расставил акценты, именно, как я чувствую». Я была покорена. После такого исполнения сами собой возникали восторг, гордость за Дегтярёва, который родился и вырос в нашем певучем крае. И сами собой пробуждались стремления узнать о нём больше, узнать, каким он был, как жил. Не одна я слушала эту радиопередачу. Могучая штука – талант. В пропагандистскую печь активно подбрасывал дров автор идеи и будущий краевед Юрий Сергеевич Горянов.

Дать «лицо» Степану Дегтярёву взялись ответственный секретарь Общества Марина Петрова и скульптор Анатолий Смелый. Привлекли и областной художественный фонд. Смелый получил заказ и средства на изваяние скульптуры. Решение нашлось простое: Степан Аникиевич Дегтярёв будет похож на современного жителя Борисовки. Вряд ли люди сильно изменились за два столетия! Одежда была другая, но она и не нужна скульптору: композитор и дирижёр хора, хоть и бесправный крепостной, конечно же, будет одет во фрак! Он будто стоит перед хором, крестьянское лицо его и чуткие руки в дирижёрском жесте пронизаны величественной музыкой. Анатолий Иванович Смелый ходил по легендарному посёлку, делал зарисовки. Так возникал образ. Так появилась скульптура. Сейчас она стоит возле Энского музыкального колледжа. А сам колледж носит имя С.А. Дегтярёва – это тоже наша идея. Помню, спросила у директора музучилища Гапонова, как он смотрит на то, чтоб училище носило имя Дегтярёва. Он ответил осторожно, оставляя пути для отступления. «Любое имя лучше, чем никакого». Таков Иван Николаевич: «любое» – это «не конкретное». К тому же, этой Лёвиной лучше не возражать: она зря спрашивать не будет, наверняка уже подготовлена почва. Наверняка с горкомом партии уже согласовано, так что нравится, или не нравится – нужно соглашаться: наверное, так думал навсегда испуганный Иван Николаевич.

И ещё я узнала, что традиционные фестивали, посвященные Дегтярёву и Ломакину, проходят теперь в Энске регулярно. Снова приглашают милую, интеллигентную правнучку Ломакина, Марину Алексеевну Ломакину. Она живёт в Москве. Впервые пригласили её в Энск – мы. Как